

ТЁТЯ РАЯ

Рассказ

Я поднималась на третий этаж, боясь оступиться на потрескавшихся каменных ступеньках отчего дома. Покосившийся лестничный пролёт показался мне гораздо меньшим, чем тот, который я долгое время удерживала в своей памяти.

Двор сдавливал меня с трёх сторон несимметричными пристройками расширенных кухонь и балконов. Лишь с одной стороны в него врывался воздух с пыльных крыш соседних малоэтажек.

– Посмотри, что там выросло, – позже сообщит Лала, указывая на молодой побег инжира, пробившегося во внутреннем дворе соседнего дома. Но меня больше привлекают крупные кактусы, развалившиеся своими мясистыми телами за пределы небольших горшочков.

– Экзотика, – скажу я скорее самой себе, на что Лала сразуотреагирует:

– Забирай себе!

Куда Лала предлагала забрать её пухлых зелёных выкормышей, так и осталось для меня загадкой.

* * *

Узкий балкончик третьего этажа упирался в серую деревянную дверь тёти Раи. Единственной выступающей деталью на облупившейся краске была дверная ручка. Глазок и дверной звонок всё ещё являлись для неё элементами ненужной роскоши, поэтому я привычным жестом постучала в квадратик зарешеченного окна. На стук никто не ответил. На повторный – тоже. Я растерялась. Несмотря на то, что соседка уже разменяла восьмой десяток, мне была невыносима мысль когда-то войти в этот двор и не застать в квартире тёти Раи. Она была трухлявым стволом этого родового дерева, его ветхой несущей конструкцией. Казалось, даже сломанные ступени дворовой лестницы скреплены её жизненной энергией, а трещины на стенах повторяют узоры её морщинистых рук. Я в отчаянии толкнула дверь, которая сразу же приоткрылась.

Прихожая обдала меня белой известковой пылью ремонтируемого помещения. Прямо перед собой я увидела фигуру молодого молящегося мужчины. Его голова прижималась лбом к полу перед коленями.

Прихожая была настолько мала, что молящийся занимал всю её диагональ и не давал возможности открыть дверь шире.

Моим первым порывом было – тихо закрыть дверь и уйти. Видимо, тётя Рая здесь больше не живёт, а квартиру ремонтируют новые жильцы. Но нежелание мириться со столь радикальными переменами в отчем доме оказалось сильнее испытываемой неловкости. И я, дождавшись, когда уровень головы мужчины сравнялся с дверной ручкой, спросила:

– А тётя Рая дома?

Мужчина никак не отреагировал. Ни один мускул его скуластого лица не дрогнул при виде беспардонной гостьи. Голова снова спокойно опустилась на пол. Забыв про все правила приличия, я с какой-то отчаянной настойчивостью продолжала смотреть на молящегося, напряжённо перебирая в уме варианты вторжения в эту полуоткрытую дверь и окончательного выяснения обстоятельств исчезновения из квартиры её древней хозяйки.

И вдруг мне показалось, что в белесоватой дымке дверного проёма в комнате вырисовалась округлая фигура Лалы, дочери тёти Раи. Я решилась воззвать к этой белой фигуре:

– Тётя Ра-а-а-я-я! – почему-то прокричала я Лале через фигуру молящегося.

С правого боку, из спальни, до меня донеслось невнятное кряхтение.

В тот же момент призрак Лалы неохотно спросил:

– Кто там?

– Это Кама!

– Руслан, пропусти Каму, – позёывая, приказала Лала, очевидно, не очень понимая, какая именно Кама решила навесить их во время ремонта. Руслан позволил мне войти.

– Извините меня, – промямлила я Руслану и юркнула в спальню, откуда минутой раньше мне послышалось кряхтение.

Я переступила порог спальни и застыла. По обыкновению заваленная вещами комната тёти Раи достигла пика своей захламлённости. На полу валялись коробки из-под обуви, стояли стопки книг и коробки с «приданным», которое на протяжении тридцати пяти лет собирали для внучки Са-

бины. Между многочисленными коробками затерялся маленький столик, на котором, вставленные друг в друга чёрной матрёшкой, громоздились закопчённые сковородки. Казалось, ещё день-другой, и вся эта драгоценная утварь встанет на воображаемые ножки и понесётся прочь от своей Федоры по улочкам старого городского квартала. Я представила себе охающую тётю Раю, жалующуюся мне на неблагоприятную дочь, внучку и посуду, бросивших её в таком почтенном возрасте на произвол судьбы и растерзание подагры.

Но не беспорядок заставил меня оцепенеть при входе в спальню. В центре комнаты, на матрасе, брошенном на раскрытую тахту, под шерстяным клетчатым пледом на правом боку лежала дряхлая старуха. Глаза её заплыли толстыми пурпурными мешками и сузились до размера пуговичных петель, а под ними проступали яркие фиолетовые пятна.

– Ктой это? – спросила тётя Рая.

– Это я, Кама, вы меня узнаёте? Боже, что с вами??? – спросила я, машинально отступив на шаг назад.

– А, Кама, – ты не бойся меня, Кама, входи, не бойся.

– Я сейчас, тётя Рая, – не сумев преодолеть страх, я решительно направилась в гостиную, где, не вставая с дивана, меня ждала Лала.

Диван, на котором сидела Лала, слегка подёрнулся белой пылью, и, как ни странно, посвежел. Видимо, его старую выцветшую обивку были способны украсить любые перемены. Лала была похожа на подростка Купидона с полотен Рубенса. На ней была надета пижамная фуфайка с длинными рукавами, а поверх неё – белая ситцевая ночнушка с короткими рукавами-крылышками. Эта жанровая композиция была так хорошо знакома мне с детства, что я почувствовала себя в безопасности.

– Кама, так это ты?! Какими судьбами? – спросила Лала, видимо, поначалу спутав меня с другой. – Садись, пожалуйста! Чаю будешь?

– Привет, Лала! Что с мамой...она выпивает, да?? – спросила я, опуская голос до шёпота.

– Рая??? Да нет, ты что, Кама!! Что с тобой, Рая никогда не пила, – это она упала, долбанулась лицом об стол... она часто падать стала.

– Ужас какой... может, у неё давление скачет? – спросила я.

– Да, может, и давление... Только попробуй ей врача приведи, – ни в какую не соглашается!

Что-то в тембре голоса Лалы подсказывало мне, что заниматься здоровьем тётя Раи она особого желания не испытывает.

– Садись, Кама! Давай чаю налью! Как хорошо, что ты зашла... мы, видишь, ремонт затеяли, а то Сабина пригрозила к нам ребёнка не водить... вот, обои уже поклеили. Сама-то как? Дети? Вы здесь пока? А в квартиру не зашла? Как, ключи забыла? Ты не меняешься...

С каждым новым вопросом я всё больше и больше расслаблялась, погружаясь в оживлённую беседу. Не чувствуя никакого напряжения, я подробно рассказывала ей про свою жизнь, словно сами стены, даже обклеенные новыми обоями, не потеряли способности выслушать и принять меня со всеми произошедшими в моей жизни переменами.

Зовущий голос тётя Раи заставил меня вздрогнуть. Лала в этот момент увлечённо рассказывала про своего очаровательно внука. Я отпросилась у Лалы и снова вошла в спальню тётя Раи. Та уже сидела на краю матраса, обмотавшись пледом и потирая руками голени.

– Кама, возьми стул, садись! – тётя Рая, как и прежде, немного шепелявила. Единственный нижний резец находил на верхнюю губу.

– Тётя Рая, как вы так ударились? Надо осторожней ходить, – мягко пожурела я.

– Кама, ты веришь, я тебя только что узнала! Как ты, дорогая? Садись на стул! Как хорошо, что ты к нам зашла! Ну, рассказывай, как жизнь молодая? А у меня, видишь, что с мордой сделалось? Ла-а-а-ла! Налей нам с Камочкой чаю, и... может, пожарить чего-нибудь! – тётя Рая заговорщически подмигнула мне. – Может, бутерброд какой-нибудь?

Лала принесла две чашки чая, банку с инжирным вареньем и поставила их на столик рядом со сковородками.

– Лала, давай вместе с тётей Раей посидим! Есть ещё стул свободный?

– Да, и что там насчёт бутерброда-то? – напомнила тётя Рая.

– Знаешь что, дорогая моя? – парировала Лала, усаживаясь рядом со мной на стул. – Если бы мне охота была бутерброд делать, я бы давно сама себе его сделала! Видишь ли, Кама, Рая всё хочет, чтобы за ней уха-а-живали! Сама, сама со всем справляется, когда ей надо! Как что-то себе в комнату утащить, так она прекрасно ходит!

– Это что я к себе в комнату тащу, а? Ты что это меня перед людьми позоришь?

– Да хотя бы морской набор для ванной комнаты! Представляешь, Кама, набор с мылом, ракушками и гелем для душа!

– А может, он мне нра-а-авится? Я хочу лежать здесь, в спальне, и любоваться этой красотой!

Мне показалось, что иконка с изображением Богоматери, стоявшая на книжной полке, мягко улыбнулась.

– Знаешь, что, Рая? Мне он тоже, может, нра-а-авится! – передразнивая мать, не унималась Лала. – И место ему – в ванной комнате!

– А я там редко бываю! Знаешь, Кама, она мне даже купаться не помогает!

– Неблагодарная, я тебе позавчера голову мыла! – обиделась Лала.

Лала с тётей Раей умудрились продолжать со мной беседу, ежеминутно перебраниваясь друг с другом. Их совершенно не смущало, а может, наоборот, подзадоривало присутствие гости. Возможно, я стала недостающим звеном в подорванной цепи их взаимоотношений, сплотив их вокруг маленького стола и объединив банкой с вареньем.

– Кама, а ты знаешь, ко мне ночью кто-то ходит, – тётя Рая стала гораздо тише и загадочней. – Чьи-то ноги упираются мне в спину и пытаются вытолкнуть с матраса...

– Рая, я тебя умоляю, опять к тебе кто-то ходит? Кама, она ещё меня подозревает, что я сюда ночью мужчин вожу! Всё над своим золотом чахнет!

– Отчего ж не чахнуть? Смотри, сколько обуви! – тётя Рая указала на разбросанные коробки. – Знаешь, Кама, мы теперь бога-а-тые! Сабина мне всё теперь покупает. То платье купила, то пиджак! А книг, видишь, сколько? Больше чем у вас, Кама! И не спорь!

Луч света, пробравшийся из коридора в спальню, осветил победоносное лицо тёти Раи. Мешки под её глазами немного распределились книзу, а в глазах засветились многообещающие блики.

В проёме двери показалась невысокая крепкая фигура Руслана. Он стоял на пороге, не решаясь нарушить границы обители тёти Раи, и взглядом призывал Лалу выйти в коридор.

Лала вспорхнула своими ситцевыми крылышками и полетела ухаживать за мужчиной, призванным внести хоть какой-то порядок в их извечный хаос.

За всё время моего пребывания здесь Руслан не произнёс ни звука. Его местоположение в квартире можно было опреде-

лить лишь по скрежету шпателя о стену. Однако Лала, видимо, и без слов определила, что Руслан проголодался. И вскоре до нас с тётей Раей донеслось несколько шлепков дверцей по холодильнику.

– Что же это за ноги такие, что мешают вам спать? – вернулась я к тёте Рае из коридора ближайших событий.

– Ой, не знаю, Кама... всю спину истоптали! Мне теперь..

Вернувшаяся из кухни Лала не дала тёте Рае договорить. Она несла на тарелке два куска хлеба, покрытые толстыми кусками копчёной колбасы. Сверху большими чёрными бусинами на них были наколоты одинокие оливки.

– Бутерброд! – провозгласила Лала, глядя прямо в глаза своей матери. – Кама, один твой!

Тётя Рая с удовольствием поглощала бутерброд с колбасой, пока Лала рассказывала мне про «житё-бытьё» Сабины. Её потускневшие с годами большие глаза то и дело вспыхивали, когда она с гордостью говорила, каким настоящим мужиком растёт её маленький внук. Первый мужчина в их родовом гнезде.

Хранительница нашего «итальянского» дворика не знала своих родителей. Воспитанница детского дома, она с раннего возраста познала тяжёлый труд. О своём замужестве тётя Рая рассказывать не любила. Бывший муж посещал её скромное жилище только в дни рождения внучки. Дочь, Лала, в молодости слыла красавицей. У неё было много кавалеров, за одного из которых Лала выскочила замуж. Но не прошло и года, как они развелись.

Очередной краткосрочный брак подарил Лале единственную дочь, Сабину. Желая выровнять кривую дорожку своей жизни, тётя Рая всеми силами старалась воспитать внучку образованной и традиционной. Читала ей книги, собирала её рисунки, встречала и провожала с танцев, тайком пускалась за ней следом, когда Сабина уходила гулять с подругами... Жизнь отвечала ей многочисленными пинками, пытаясь вытолкнуть с намеченного пути на обочину дороги.

Вот и сейчас чьи-то ноги хотят лишить её тонкой оболочки бытия, столкнуть со старого ненадёжного матраса. Но она всё ещё упрямо сидит на нём, обёрнутая шерстяным клетчатым пледом, и созерцает морские ракушки, осевшие на дно флакона с гелем для душа.